

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ГЕРМАНИСТИКЕ

УДК 802/809.1

О.В. Попова

КОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ РОДОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина

1. Постановка проблемы

С точки зрения традиционной лингвистики, род – каждый из трех грамматических «видов», более или менее соответствующих делению по полу (или отсутствие пола). В англистике особый интерес данная категория представляет потому, что категория рода в современном английском языке (в отличие от русского) не представлена как грамматическая система, но она существует в языковом сознании людей.

Многие лингвисты сходятся во мнении, что категория рода в английском языке представляет собой отражение реального пола референта [1–3 и др.]. Реализуясь в местоименной парадигме 3-го лица ед. числа, данная категория не находит выражения в формах местоимений 1-го и 2-го лица, «поскольку сообщать себе или слушающему о том, к какому полу он относится, было бы странно» [4, с. 103]. Тогда классическое деление по родам должно отображать следующую картину реального мира: все объекты окружающего нас мира подразделяются на неживые предметы и живых существ, в свою очередь разделенных на мужской и женский пол. Зная это, логично было бы предположить, что такое деление объектов действительности должно найти отражение в местоименной парадигме в следующем виде: неодушевленный предмет – *it* «оно», одушевленный предмет – *she* «она», *he* «он» (в соответствии с реальным полом), что мы и находим во многих словарях и грамматиках. Например, толковый словарь Хорнби [5] дает следующие толкования английских личных местоимений 3-го лица ед. числа: *he* – лицо или животное мужского пола, предварительно упомянутое (*Where's your brother? He's in Paris*); *she* – лицо женского рода и т.п., уже упоминавшееся или подразумеваемое (*My sister says she is going for a walk*); *it* указывает на неживые предметы, животных (когда пол неизвестен или неважен) и на дитя или маленького ребенка, когда пол неизвестен или не имеет значения (*This is my*

watch; it's a Swiss one; "Where's the cat?" – "It's in the garden"; *She's expecting another baby and hopes it will be a boy*). Однако в английском языке представлена несколько иная картина действительности. Так, грамматистами упоминается ряд неодушевленных существительных (*boat* «лодка», *ship* «корабль», *submarine* «подводная лодка», *car* «машина» и др.), нередко употребляемых с местоимением ж. р. Окончательно не решенным остается вопрос об употреблении местоимений *he, she, it* по отношению к животным, а также местоимения *it*, когда его референтом является человек, а именно маленький ребенок (*baby*).

Почему же возможно подобное «аномальное» употребление личных местоимений? Если категория рода личных местоимений не ограничивается рамками оппозиции «одушевленный–неодушевленный», что тогда организует структуру их значения? На основе каких знаний происходит подобного рода категоризация? Поиск ответов на эти и ряд других вопросов составляет основу содержания данной статьи.

2. О необходимости когнитивного подхода

Для решения поставленных вопросов целесообразно обратиться к когнитивной парадигме лингвистического исследования, непосредственно связанной с решением проблем языкового значения и его связи с человеческой когницией. К такому выводу мы приходим благодаря осознанию противоречивости системоцентрического подхода к интерпретации языковых явлений в отрыве от человека, поскольку он не в состоянии решить проблему функционирования местоименных слов ввиду их дейктической (антропоцентрической) природы.

Новая научная парадигма направлена на решение главного вопроса о том, какими типами знаний и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове, каким образом приходит человек к знанию и как он его использует [6,

с. 58]. В основе когнитивного подхода лежит понимание того, что язык отражает общий способ восприятия мира, в языке отражается то, как человек видит окружающий его реальный мир и свое место в нем [7, с. 9], вследствие чего формируется языковая картина мира индивида и нации в целом. В этой связи особый интерес представляет класс местоимений как одна из очевидных языковых универсалий, имеющая место во всех языках мира и представляющаяся как класс «универсальных языковых категоризаторов» [8].

Мысль об универсальности местоимений развивается в работах многих ученых [8–10 и др.], которым свойственно говорить о местоимениях как о «суперчасти», «сверхчасти речи», тем самым определяя референциальный (неденотативный) способ именованья неязыковых реалий как фундаментальную особенность местоимения, которая семантически, функционально, грамматически ставит его над всеми остальными знаменательными частями речи. Именно эта особенность позволила лингвистам выдвинуть гипотезу о первичности местоимений в языке. Так, Н.Ф. Устинова видит категорию лица личных местоимений среди древнейших категорий, «которая должна была найти себе выражение в языке на самом раннем этапе его развития» [11, с. 72]. Как указывает Д.А. Штелинг [9, с. 3], «основная модель языка раскрывается через те его элементы, которые являются наиболее древними и универсальными во всех языках мира – в личных местоимениях». Все это заставляет ученых прийти к выводу о том, что в системе местоимений простроена архаическая, ненаучная картина мира, в которой реализуется опытное (феноменологическое) знание.

Источником феноменологического знания является наблюдающий мир субъект, а основу феноменологического знания составляют предметы, события, явления. Это восприятие связано с первичным (наивным) делением мира на предметные сущности, которое нашло свое отражение в системе личных местоимений. Представляя собой отражение архаической модели мира, такая категоризация всех бытийных сущностей – *я – ты – все остальное* – является универсальной для всех языков мира, нашедшей отражение в системе личных местоимений в виде трехчленной парадигмы [4]. Так, еще В. Гумбольдт считал, что «изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего «я». Но само понятие «я» предполагает также и «ты», а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы» [12, с. 113]. Когнитивным истоком рода явилось

дальнейшее развитие противопоставления всего предметного мира на живое–неживое, что стало предпосылкой для более детальной родовой дифференциации (*he – she – it*).

3. Переосмысление содержания категории «одушевленность–неодушевленность»

Идея о наличии некоей базисной для родовой дифференциации категории не нова. Осознание того, что в английском языке род далеко не всегда соответствует различиям по полу, сделало очевидным, что «язык обычно организует такие классы «вокруг» каких-то очень простых и понятных противопоставлений» [13, с. 130]. В разных исследованиях категориальный признак рода связывают с ближайшими по значению признаками одушевленности–неодушевленности, лица–нелица, активности–пассивности, где признак одушевленности/неодушевленности является ничем иным, как реализацией противопоставления «живой–неживой». Идея о совместимости двух типов систем (оппозиция одушевленность/неодушевленность и м./ж. род) восходит к трудам Мейе (см. [14]). Сосредоточившись в первую очередь на употреблениях, в которых мотивация проступает достаточно очевидно (одушевленные существа и неодушевленные предметы, мужской и женский пол), автор идеи восстановил процедуру, которая позволила установить следующую систему: *he, she* – одушевленные объекты, *it* – неодушевленные. Несмотря на то, что идея объединения двух систем выглядит достаточно убедительной, она не всегда способна помочь адекватно интерпретировать языковой материал. Проблема кроется в содержательной стороне понятия одушевленности и его сопоставимости с общефилософским понятием «живой», поскольку часто в английском языке даже названия животных не включаются в категорию одушевленных, «которая, таким образом, сужается до границ категории лица» [15, с. 90]. Учитывая это, Л. Блумфилд [1, с. 276] подразделяет местоимения 3-го лица на личные местоимения и неличные (соответственно, личные – *he, she*; неличное – *it*), где *he* используется с антецедентом мужского рода и *she* – с антецедентом женского рода (см. также [16, 17] – 3-е лицо как указывающее на лицо или предмет, из чего следует, что животные относятся к разряду предметов). Однако такое противопоставление также является нерелевантным, так как местоимения 3-го лица свободно употребляются для указания как на лиц, так и на лиц, например: *dog* «собака» – *he, she, it*; *car* «машина» – *she, it*. Ср.: “Does this **dog** here belong to you?” “No, I’ve never seen **him** before” (к/ф: *You Have Seven days to Live*); “When my **car** stalled I started **it** again and he yelled: “All right, give **her** the gun”. I gave her the gun but I didn’t move” (Cain 2003: 140).

Таким образом, необходимо признать то, что вся терминология, если взять ее буквально, весьма приблизительна, и «такие оппозиции, как одушевленность–неодушевленность, личность–неличность, мужской–женский род и т.п., – это отнюдь не точное обозначение того, что через них определяется, а всего лишь обманчивые упрощения, не соотносящиеся точно с лингвистической реальностью» [14, с. 118]. Можно предположить, что категория одушевленности–неодушевленности реализует не столько объективное знание о наличии живых и неживых предметов, сколько о предметах, осмысливаемых как живые и неживые, т.е. субъективную оценку человеком объектов действительности. В этой связи уместно говорить о «мифологичности», ненаучности представленных в местоименной парадигме знаний, которые формировались задолго до появления научного представления о мире.

Категория одушевленности–неодушевленности отражает антропоцентрическую установку человеческого мышления и «складывается в ходе эмпирического познания как следствие опыта наблюдения за предметом» [18, с. 81]. Одушевленность представляет собой пример анималистского прошлого языка, когда к живым относили все то, что способно к движению. В этой связи релевантным будет противопоставление предметов на самодвижущиеся и несамодвижущиеся (неспособные быть инициаторами действия) [7, с. 132]. Способность к самостоятельному передвижению издавна признавалась одним из характерных признаков живого. Как указывал Аристотель, «начало движения возникает в нас от нас самих, даже если извне нас ничего не привело в движение. Подобно этому мы не видим в (телах) неодушевленных, но их всегда приводит в движение что-нибудь внешнее, а живое существо, как мы говорим, само себя движет» [19, с. 226]. Поэтому в языковой картине мира растения, являющие собой качественно иную форму жизни, нежели животные и человек, не воспринимаются как живые организмы.

В основе деления предметов на живые–неживые лежит вера говорящего в то, что предмет или явление способны к осуществлению действия сами по себе, т.е. они являются интенциональными субъектами действия. «Приписывание субъекту действия признака «интенциональность» в конечном счете и ведет к его категоризации как одушевленного» [20, с. 101]. В качестве примера можно привести имена артефактов – средств передвижения (*car, train, plane, ship, boat* и т.д.). Похоже, что человек воспринимает машину, лодку, корабль и т.д. как самодвижущиеся объекты, при этом наделяя их набором свойств, присущих женщине. Способность к движению позволяет сделать выбор в пользу одушевленного местоимения (*he, she*), однако дальней-

ший выбор местоимения женского рода базируется на ассоциативном переосмыслении пола, когда отнесение к женскому роду происходит на основе типизированного представления об объектах действительности с качественной ориентацией на образ женщины (предмет любви, ухода со стороны мужчин). Ср.: “*When they plan a rocket they build a full-scale model first, of aluminium. You might make a small profit boiling her down. Let you have her for two thousand*” (Bradbury 2000: 96); “*But this ship can’t sink!*” “*She is made of iron, sir. I assure you, she can. And she will. It is a mathematical certainty*” (κ/φ: *Titanic*); “*What’s wrong with her?*” “*The right side of the engine is running richer than the left. And the scope isn’t showing shit ...*” (κ/φ: *Gone in 60 Seconds*).

4. Категория рода в биологической парадигме

Логично возникает вопрос о том, зачем человеку нужно кодировать в языке знание о принадлежности предметов к классу живых или неживых. Что есть наш опыт, зачем нам нужно взаимодействовать со средой? Ответ лежит на поверхности. Эмпирическое, опытное знание служит целям биологическим, целям ориентировки в окружающей среде. Человек, как связанный с окружающим миром животных, нуждается в значительной степени в биологическом познании, и именно язык является тем средством, которое наилучшим образом помогает человеку адаптироваться в окружающей среде. Эта мысль, высказанная чилийским нейрофизиологом У. Матураной [21, 22], развивается в работах А.В. Кравченко, с точки зрения которого «языковая система не существует сама по себе, а является видом деятельности человека как живого организма, отличающим его от других живых организмов, – а, следовательно, языковая способность имеет биологическую функцию» [23, с. 6], из чего следует, что адаптивная функция является основной функцией языка, а язык представляет собой интегрированную часть среды, в которой живет и действует человек.

Интеграция лингвистики и биологии выливается в биокогнитивную лингвистику, предметом изучения которой является обращение к биологическим свойствам языка. Человек рассматривается как часть естественного мира, как часть животного мира, однако занимающий превосходящую позицию как обладающий разумом и языком. Суть теории познания, описанной У. Матураной, заключается в том, что языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде.

С этой точки зрения естественной выглядит мысль о том, что в языке находят отражение наибо-

лее важные признаки действительности, влияющие на жизнедеятельность людей. Как указывает Л. Ельмслев [14, с. 120], «субъективная классификация ... редко покоится на физических свойствах объекта, чаще она основывается на роли, функции, полезности (воображаемой или реальной) данного объекта».

Стремление выжить, приспособиться к окружающей среде явилось наиболее приоритетным, значимым для человека на начальном этапе эволюции языка, видимо, поэтому все индоевропейские языки имеют в парадигме определенное различие или между одушевленным и неодушевленным родом, или между личным и неличным родом. В английском языке такое противопоставление всего предметного мира на живые и неживые объекты представлено в виде дихотомии *he – it*, где *he* несет в себе понятие «живой», «способный к движению», «опасный» [4]. То, что именно местоимение м. р. обозначало все живое, подтверждается некоторыми фактами диахронического развития местоименной парадигмы в английском языке. Приведем некоторые из них.

В качестве личных местоимений 3-го лица в древнеанглийском употреблялись формы первоначально указательного индоевропейского корня *ke, ki*, который служит и для образования им. падежа ед. ч. личного местоимения *he, hi(e)* в древнесаксонском языке и встречается в древнеисландских формах (м. р. *hann* 'он', ж. р. *hon* 'она' и т.д.) [24, с. 104]. В свою очередь, корень *ke/ki* происходит от протоиндоевропейского корня *kwo (kwi)*, представляющего собой относительное местоимение *who* 'кто', как составляющий элемент противопоставления «кто – что», отражающего понятийную категорию одушевленности–неодушевленности. Впоследствии в индоевропейских языках сочетание *kw* утратило *w*, перейдя в *k* (исключением является латинский язык, где данное сочетание сохранилось как *qu*) [25, 26].

Дальнейший этап языкового развития характеризуется расщеплением «одушевленного рода» на мужской и женский, однако язык по сей день хранит признаки двухвалентной категоризации. Так, нередкими являются случаи употребления местоимения м. р. для указания на дикое животное, пол которого не очевиден для простого обывателя. Ср.: “*The monkey, however, was quite curious. He watched me as if I were an intruder, then he slinked along on all fours, slowly, prepared to lunge at me at any moment*” (Grisham 2001: 344); “*I see a wolflike thing coming over a dark river – at the shallows – just above a waterfall, the starlight shining up his pelt*” (Bradbury 2000: 154); “*I saw a rat stumbling blearily along the brickwork, then tumble off his track like an old soak.*” (Kneale 1992: 196); “*What?*” “*There’s a big black snake out here!*” (...) “*Be quiet!*” *I said. “Otherwise, he’ll know you’re in there.*” (Grisham 2001: 256). В данных при-

мерах реализуется историческое значение местоимения м. р. – «живой», «опасный» для указания на представителей внешнего мира, часто враждебного для человека, – которое в вышеприведенных контекстах является гендерно-нейтральным.

Более детальная, сложная классификация по признаку родовой принадлежности является вторичной по отношению к одушевленности/неодушевленности. Она имеет чисто прагматическую направленность, поскольку обусловлена необходимостью продолжения рода. Знание пола домашнего животного является важным, жизненно необходимым знанием, нашедшим выражение на разных языковых уровнях: *cow* «корова», *mare* «кобыла», *sow* «свиноматка» – *she*; *bull* «бык», *cock* «петух» – *he*. Войдя в сферу человеческого опыта, такие животные стали неотъемлемой частью жизни человека, поэтому их принадлежность к полу представляется не только важной, но и очевидной для простого обывателя, благодаря знанию характерных черт каждого из полов.

Таким образом, при выборе местоимений *he, she, it* определяющим фактором является вхождение (или невхождение) объекта в «личную сферу говорящего» [27], т.е. осознание того или иного объекта как знакомого, близкого, имеющего непосредственное отношение к человеку, к его прошлому опыту (феноменологическим знаниям). «В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально [27, с. 645]. В работах У. Матураны [21, 22] развивается мысль о важности человеческого взаимодействия со средой (опыта в актуализации мира), «ниша» индивида определяет его поведение, языковое поведение в частности. При этом очевидно, что человек категоризует свое ближайшее окружение более детально (см. одомашненные животные, а также ряд диких животных, являющихся предметом охоты человека, напр. *buck* «самец оленя» – *he*). В качестве примера также можно привести отнесение неодушевленных предметов и абстрактных понятий типа *earth* «земля», *country* «страна», *nature* «природа» и т.д. к женскому роду как проявление особой любви, привязанности со стороны говорящего. Употребление местоимения ж. р. мотивируется корреляцией с женским образом; в процессе категоризации одной из основных прототипических характеристик является материнство, способность к продолжению рода (рус. «мать сыра земля», «земля-кормилица», «родина-мать»). Ср.: “*And I saw earth herself, summed and gathered for ever for me, with all her fruits and coloured flowers and herbs, and I walked with my friends and teachers, and all my most beloved*” (Chaplin 2002: 83); “*Listen*”, *he said. “If you was a fish Mother Nature’d take care of you, wouldn’t she? Right?”* (Salinger 2003: 85).

Употребление местоимения *it* может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, *it* указывает на неживые предметы, а также на незначимых для человека живых существ, чье воздействие на человека незначительно. Так, представители морской фауны (*fish, barracuda, shark, octopus, ray, lobster* и др.), в отличие от наземных животных, характеризуются отнесением к среднему роду. Морские животные, рыбы оказываются вне сферы опыта человека и поэтому воспринимаются как неодушевленные объекты, общение с которыми часто ограничивается их приготовлением в пищу. Ср.: “*What kind of fish is that?*” “*It’s a cernia.*” “*My God, it’s enormous*” (к/ф: *The Adventure*); “*Close to him a barracuda hung for an instant, something brown and glittering in its jaws. It gave a great swallow and then swirled back into the melee*” (Fleming 2003: 186); “*Quarrel had said that rays never attack except in self-defence. He reflected that it had probably come in over the outer reef to lay its eggs.*” (Fleming 2003: 184).

Не менее распространенной причиной употребления *it* является намеренное исключение животного из личной сферы говорящего, мотивируемое пренебрежительным или часто брезгливым отношением говорящего к некоторым представителям животного мира. Ср.: “*What the hell is that?*” “*This is a cobra, Mr. Grange. Yes, it is real.*” “*That thing is poisonous*” “*Extremely so*” (к/ф: *The Crow*); “*Where is the spider?*” “*Hey, don’t squish it, and after it’s dead, flush it down the toilet*” (к/ф: *Annie Hall*).

Нередким явлением в английском языке является употребление местоимения ср. р. по отношению к маленькому ребенку. Ср.: “*Sister Ida was suckling the baby; it lay curled against her breasts like a pink ear.*” (Capote 1974: 89); “*Her features were a trifle heavy and her skin was dark, but she was very pretty. She held a small child in her arms. Doris smiled a little as she saw it, but no answering smile moved the woman’s lips.*” (Maugham 2001: 52). Такая родовая отнесенность не является аномальной, присущей исключительно английскому языку. Имея общее индоевропейское происхождение, существительное

«чадо», «дитя/ё» в русском языке, *das Kind* «дитя, ребенок» в немецком также относятся к среднему роду. Такая классификация, когда в структуре языка маленькие дети осознаются как неодушевленные, базируется на основе реализации категории лица, входящей в состав категории одушевленности–неодушевленности. В данном случае интерес представляет понятие «лицо» (от лат. *persona*) как отражение исторического значения «источник (продолжительного) звука», каковым является поток звучащей речи, который послужил классификационным критерием в делении предметов на говорящие и неговорящие [7, с. 130]. Ребенок до определенного возраста (0–2 года) не обладает речевой способностью, что позволяет представителям разных культур лишать его статуса лица.

5. Заключение

Итак, подведем итоги. Категория рода местоимений отражает антропоцентрическую установку человеческого мышления, а несоответствие языковой картины мира научному осмыслению является еще одним проявлением субъективного фактора в языке. В самом деле, «одушевленным» и «личным» считается все, что в действительности является им, а также все то, что может при определенных условиях считаться «одушевленным» или «личным». Основопологающим категоризирующим фактором является сфера опыта человеческого сообщества в целом и личный опыт говорящего в частности, которые обуславливают референтную отнесенность местоимений, когда все живое – *he*, важное – *he, she* (в соответствии с биологическим полом или как проявление особой любви и привязанности к неодушевленным предметам); намеренно пренебрежительное или безразличное – *it* (за исключением маленького ребенка, лишённого статуса лица). Таким образом, родовая дифференциация объектов окружающего мира абсолютно прагматична и бесспорно информативна, в ней реализуется адаптивная функция языка.

Поступила в редакцию 11.10.2006

Литература

1. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
2. Shaw Harry. Errors in English and Ways to Correct Them. N.Y., 1970.
3. Гришина Н.А. Категориальный признак рода в языковой семантике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.
4. Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.
5. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. Oxford; Moscow, 1982. Vol. 1, 2.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
7. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.
8. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М., 1998.
9. Штелинг Д.А. Семантика грамматических противопоставлений в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

10. Шемелева Т.В. Русское местоимение как часть речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997.
11. Устинова Н.Ф. Местоимение как часть речи в современном английском языке // Ученые записки. Вопросы германской и романской филологии. Вып. 1. Л., 1954.
12. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
13. Плунгян В.А. Почему языки такие разные? М., 1996.
14. Ельмслев Л. О категориях личности–неличности и одушевленности–неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
15. Устинова Н.Ф. Местоимение как часть речи в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951.
16. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge etc., 1968.
17. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2004.
18. Маньков А.Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания, 2004. № 5.
19. Аристотель. Физика // Сочинения в 4 т. М., 1981. Т. 3.
20. Кравченко А.В. Загадка рефлексива: избыточность или функциональность? // Филологические науки. 1995. № 4.
21. Матурана У. Биология познания / Язык и интеллект. Сб. / Пер с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М., 1996.
22. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Пер с англ. Ю.А. Данилова. М., 2001.
23. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Сер. литературы и языка, 2001. Т. 60. № 5.
24. Бруннер К. История английского языка. Т. 2. М., 1956.
25. Poss Rhipil E. Hard Words // Scientific American, April 1991.
26. Ruhlen M. On the Origin of Languages: Studies in Linguistic Taxonomy. Stanford, Calif., 1994.
27. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М., 1995.

УДК 802/809.1

М.П. Нефёдова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ СФЕРЫ КОНЦЕПТА «НАСТРОЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бийский государственный педагогический университет им. В.М. Шукшина

Для вербализации концепта «настроение» часто используются стилистические приемы, которые призваны передать с большей выразительностью субъекта при рассмотрении указанного концепта в двух основных направлениях (плохое/хорошее). При этом языковые средства могут быть эмоционально окрашенными и нейтральными.

1. Эпитеты

1. Mr. Warburton watched him go with an *icy smile* on his lips.
“The Creative Impulse” W.S. Maugham.

2. They had nothing to say to one another. They sat in a *miserable silence*.

Cakes and Ale Or the Skeleton in the Cupboard. W. Somerset Maugham.

Употребление эпитетов, выраженных в данных примерах прилагательными *icy*, *miserable*, является выразительным показателем плохого настроения героев. Именно эпитеты в данном случае являются

характеристикой подавленного настроения, так как лексема *smile* (в примере 1) имеет позитивную семантику, которая вследствие употребления с эпитетом *icy* приобретает негативную окраску. Во втором примере лексема *silence* является нейтральной и не несет ни положительной, ни отрицательной коннотации. Взаимодействие с эпитетом *miserable* становится показателем плохого настроения.

2. Интенсивы

3. I felt *so damn happy* all of a sudden, the way old Poebe kept going around and around.
The Catcher in the Rye. J.D. Salinger.

Употребление в примере 3 интенсива *so* призвано усилить степень хорошего настроения, о чем свидетельствует лексема *happy*, использование в одном предложении и инвектива *damn*, который по своей семантике является ругательством и относится к лексике, выражающей плохое настроение, в данном контексте получает положительную направленность.